

— Вы оба! — хором воскликнули они, возражая друг другу. Их удивительная слаженность заставила Цянь Инсинь рассмеяться так, что она не могла остановиться.

— Ха-ха! Нет, не могу, у меня уже живот болит!

Игнорируя недовольные гримасы двух красавцев, Цянь Инсинь, обхватив себя руками, заливалась смехом, катаясь по дивану. Боже мой, до чего же они синхронны! Неужели между ними что-то есть? Ха-ха-ха!

— Смотри, как бы судорогу не свело.

Юй Чэньи одарил её ледяным взглядом. Его холодность лишь подзадорила девушку, заставив смеяться ещё сильнее.

— Ха-ха, оу! Мерзавец!

А-а-а! Чёрт возьми! Её действительно свело судорогой!

*

*

Представление начинается: [Коварство] — поймать преступника, укравшего первый поцелуй!

— Юй Чэньи, это ты меня сглазил!

Цянь Инсинь, чьё лицо исказилось от боли из-за судороги, с обидой уставилась на торжествующего Юй Чэньи, продолжая корчиться на диване.

— Поделом тебе.

Даже Лин Си, который до этого с тревогой наблюдал за тем, как она внезапно побледнела, не удержался и с явным злорадством бросил эту безжалостную фразу.

Да вы издеваетесь! Двое придурков! Хоть капля сочувствия у вас есть?!

— За успех!

— За успех!

— Вы... вы... да вы!

А-а-а! Эти мерзавцы ещё и чокнулись бокалами, празднуя её неудачу?! Ненавижу!

*

— Фух... фух... Ну всё, этим двоим конец!

Наконец придя в себя, Цянь Инсинь лежала на краю раковины в уборной, тяжело дыша. Чёрт возьми, она чуть не умерла от боли! Эти двое негодяев посмели злорадствовать — она им это ещё припомнит!

— Ой, всё ещё побаливает.

Придерживая ноющий от судороги живот, Цянь Инсинь недовольно скривилась и глубоко вздохнула, стараясь полностью унять остатки смеха.

— М?

Выйдя из уборной в полумрак коридора, она заметила знакомый силуэт.

— Эй, ты...!!

Когда они подошли ближе, её ноздрей коснулся знакомый мятный аромат. Не успела она опомниться, как оказалась в крепких объятиях.

— Эй!

— Не надо... не отвергай меня...

Он... перепил...?

— Юлань... Юлань!

Юлань... Кто такая Юлань? Почему в его голосе звучит такая душераздирающая печаль?

И пока она размышляла, кто такая эта Юлань, о которой он твердит, её губ коснулись холодные губы. Цянь Инсинь в мгновение ока превратилась в статую.

Он... он... он целует её?!

— М-м-м!!Постой... Это ощущение кажется таким знакомым... Где-то она уже это чувствовала.

А-а-а! Тот самый преступник, укравший её первый поцелуй!

Преступник, укравший её первый поцелуй!

— М-м!

Лёгкий поцелуй постепенно становился всё глубже. Не давая ей опомниться, его язык уже проник ей в рот, властно требуя ответа.

Когда его язык коснулся её, страстный поцелуй перерос в безумие — жаркий, обжигающий, заставляющий её задыхаться.

Что происходит? Почему... почему он целует её?

— Юлань!

Снова это имя! Он принимает её за Юлань?!

Чёрт возьми, она не хочет быть заменой!

— М-м! Отпусти меня!

Чем сильнее она сопротивлялась, тем крепче его руки сжимали её в объятиях, словно он хотел влить её в своё тело. Эта властность и собственнический порыв привели её в замешательство.

— М-м...

В отличие от его холодных губ, поцелуй был таким горячим, что у неё перехватило дыхание, а в голове образовалась пустота.

Но как же она была зла!Его губы накрыли её в глубоком, страстном и обжигающем поцелуе. Но она была всего лишь заменой!

— Юлань, не плачь!

В его затуманенных глазах читалась бесконечная нежность, и от этого ярость в её сердце стала невыносимой. Взмахнув рукой, она со всей силы ударила его по щеке.

— Плеск!

— Юлань?..

Он смотрел на неё с полным недоверием, его расфокусированный взгляд постепенно обретал ясность.

— Хань Е! Прекрати это! Я не какая-то там Юлань! Я — Цянь Инсинь!

— Черт возьми, что вы здесь творите?!

Разъяренный голос донесся из другого конца коридора. Не успели они разглядеть вошедшего, как раздался оглушительный грохот.

— Бах!

— Бум!

Хань Е с силой отшвырнуло на пол. Алая кровь потекла по уголку его губ, выглядя пугающе в тусклом свете ламп.

— Ты посмел коснуться моей женщины?!

Юй Чэньи в ярости схватил его за воротник, и от одного лишь его ледяного взгляда температура в коридоре упала до нуля.

— Ха, твоей женщины? Хань Е издал холодный смешок и, подняв затуманенный взор, с насмешкой уставился на Юй Чэньи. Тон его голоса звучал так, будто он слышал нелепейшую шутку на свете.

— С каких это пор Юлань стала твоей женщиной?

Он всё еще не оставил попыток завладеть своей Юлань? Юй Чэньи! Юлань — женщина Хань Е!

При имени Юлань тело Юй Чэньи заметно напряглось, и он лишился дара речи. Эта секундная реакция не ускользнула от взгляда Цянь Инсинь, отчего у неё на душе стало тяжело... Она... кажется, догадалась о чём-то. Догадалась о том, что причинит ей боль...

Юй Чэньи проследил за взглядом Хань Е и увидел в глазах Цянь Инсинь смятение и печаль. Сердце его сжалось, и он мгновенно пришел в себя.

— Проклятье! Раскрой глаза и посмотри внимательнее! Это Цянь Инсинь, а не Хань Юлань!

— Цянь... Инсинь...?

Пьяно бормоча это имя, Хань Е слегка прищурился. Его рассеянный взгляд начал обретать ясность, и облик той, что стояла рядом, становился всё более чётким... Это не... Юлань?

— Да, это Цянь Инсинь! Она моя женщина! — Юй Чэньи рванул его за воротник, заставляя встретиться с ним глазами, и прорычал в гневе.

— Ха... какая ирония. Я ведь действительно перепутал тебя с ней... — Он говорил это словно сам с собой, а может, обращаясь к ней. В этой фразе было столько печали, что невольно становилось больно за него...

— Хань Е...

Оттолкнув руку Юй Чэньи, он, пошатываясь, поднялся на ноги. Не желая принимать ничьей помощи, он оставил после себя одинокий силуэт и медленно удалился.

Впервые она видела его таким сломленным. В её памяти он всегда оставался гордым и благородным... А сейчас он казался таким хрупким и одиноким. Какое прошлое скрывается за этим человеком? Его сердце... разве оно не холодное? Или оно способно согреться теплом только ради одной-единственной?

Его сердце... разве оно не холодное? Или оно способно согреться теплом только ради одной-единственной?

Когда он целовал её, она чувствовала тот жар и ту глубокую привязанность, с которой он зывал к имени Юлань... А как же Юй Чэньи? Что он чувствует к этой девушке, к Юлань?

— И... — она подошла ближе, с трудом произнося его имя. Впервые это имя отозвалось в душе такой сложной гаммой чувств.

— Пойдём со мной.

Он долго смотрел на неё, а затем, не обращая внимания на шокированный взгляд Лин Си, схватил её за руку и потащил прочь.

— И... — Её запястье пронзила боль! Куда он её тащит?! — Больно! Юй Чэньи! А!

Услышав её вскрик, Юй Чэньи резко остановился. Цянь Инсинь не успела затормозить и со всего маху врезалась своим изящным носиком в его широкую спину.

— Больно?

Голос его не был нежным, но в нём сквозила такая забота, что это противоречие заставило её почувствовать странное тепло.

— Всё в порядке.

Его холодные пальцы медленно коснулись её носа, а затем легли на губы, покрасневшие от поцелуя Хань Е, и принялись бережно их вытирать. Постепенно его брови сдвинулись к переносице, а давление пальцев усилилось, причиняя ей боль.

— Больно, м-м!

Как только она хотела возмущенно вскрикнуть, его рука легла ей на талию и рывком притянула в крепкие объятия. Не успела она опомниться, как его горячие губы прижались к её алым устам.

— !!

Он... он... он поцеловал её?!

— Ты моя женщина, и здесь целовать тебя могу только я.

Закончив фразу, он, не дожидаясь ответа, вновь припал к её губам властным поцелуем. Казалось, он неистово выплескивал что-то, скрытое внутри, или же властно заявлял свои права. Его поцелуй был полон собственнического стремления: он заставлял её сердце биться чаще, но в то же время оставлял на душе смутный осадок...

В погруженной во мрак комнате, где не было видно собственных пальцев, властно откинувшись на спинку дивана, сидел мужчина и играл метательным ножом.

Острый клинок в тусклом свете луны излучал пугающий, пробирающий до дрожи холодок. Мужчина то и дело перекручивал его в пальцах, словно целясь во что-то невидимое.

— Главарь.

Голос нарушил мёртвую тишину помещения. На журнальный столик в европейском стиле перед мужчиной аккуратно положили папку с документами и четыре фотографии.

— Мм.

Приятный, но опасный голос. Всего один слог, но такой ледяной, что от него перехватывало дыхание.

— А что насчёт нового плана семьи Хан?

— О... очень виноват! Их система безопасности донельзя надежная... — дрожащим голосом принялся оправдываться подчиненный, страшно боясь, что из-за малейшей оплошности его утаек в секретную темницу, где участь много хуже смерти!

— Потрудился на славу.

По низкому, чувственному голосу невозможно было угадать его нынешнее настроение, однако стоявший навтыжку возле него подручный отчетливо почуял недоброе.

— Прошу, дайте подчиненному еще немного времени, клянусь, на этой неделе всё выясню!

— Не нужно.

Для него время — это жизнь.

Если бы каждый из подчиненных работал с такой возмутительной неэффективностью, разве его собственная шкура уже давно не оказалась бы в руках врагов?

Сколько у него жизней, чтобы всех ждать?

— Ты можешь идти отдыхать.

— Главарь...! Умоляю вас... кхм!

Мольба так и не сорвалась с губ: мелькнула белая вспышка, и подручный бесшумно рухнул на пол, так и не закрыв широко распахнутые в безмолвном вопросе глаза.

Хотя рядом появилось бездыханное тело, мужчина остался невозмутим, как гладь воды. В его глубоких чёрных глазах читались лишь отрешенность и холод, словно он давно привык к подобным зрелищам...

— Ле.

— Слушаюсь, главарь.

Неизвестно откуда в комнате возник высокий мужчина. Тот, кого называли Ле, даже не дожидаясь приказа, почтительно кивнул и в следующее мгновение растворился в ночной темноте вместе с трупом...

Хлоп!

Лёгкое движение пальца — и зажатый в руке метательный нож вонзился прямо в область сердца мужчины, изображенного на одной из фотографий.

— Значит, Хань Е?

Кровожадный и безжалостный голос эхом прокатился по просторной комнате, предвещая неумолимо надвигающуюся бурю...

Колонны роскошных автобусов плавно катили по широким дорогам, привлекая всеобщее внимание и заставляя прохожих то и дело оборачиваться.

Два гордых орла стояли друг напротив друга, увенчанные императорскими коронами. Их взгляды источали надменное высокомерие, от которого веяло подлинным благородством, а обвивающие их снизу лавровые ветви выглядели священными, изумрудными и полными жизни, внушая невольное благоговение. На фоне сияло золотое солнце, озаряя всё вокруг ослепительным светом. Этот простой, но изысканный узор был знаком каждому — эмблема Королевской академии Шэнсин.

Стоило ожидать от королевской академии: один лишь логотип учебного заведения на борту автобусов заставлял водителей на дороге послушно уступать им дорогу.

— Ха-а...

В салоне Цянь Инсинь прикрыла ладошкой ротик и шумно зелоотнула, а в уголках её глаз заблестели хрустальные слезинки, выдавая накопленную усталость.

Теплый воздух кондиционера и удобное сиденье так и манили погрузиться в сон.

— Мм?

Широкое плечо качнулось ближе. Цянь Инсинь повернула голову и увидела Юй Чэньи: он

слегка прикрыл глаза, будто задремал, но она отчетливо заметила, как у него постепенно краснеют мочки ушей...

Этот деревянный чурбан — неужели он позволяет ей прислониться и поспать? Мог бы и прямо сказать!

Она недовольно поджала губы, но на душе стало тепло. Оперевшись головой о его плечо, Цянь Инсинь с комфортом закрыла глаза и отправилась в объятия Морфея.

Спустя какое-то время Юй Чэньи распахнул завораживающие глаза. Повернув голову, он сверху вниз посмотрел на мирно спящую рядом девушку, которая доверчиво жалась к нему, словно птеник, и уголки его губ невольно дрогнули в нежной улыбке.

Несколько ночей назад он, потеряв рассудок, поцеловал её — не заботясь о том, хочет ли она этого, силой испив её сладости.

С тех пор никто из них больше не вспоминал о том поцелуе.

Юй Чэньи не хотел ранить её воспоминаниями, а Цянь Инсинь не желала вновь беречь в памяти то, как дрогнуло его лицо при упоминании Хань Юлань.

Словно ничего и не было. Словно всё это оказалось лишь иллюзорным сном.

— Какая гадость!

Шан Сяси сжала в кулаке дорожную ткань школьной юбки, а её глаза буквально метали искры.

— И впрямь гадость!

Рядом раздался чувственный и колкий голос, владелец которого всецело разделял её точку зрения, но в то же время звучал так, будто исходил завистью, ревностью и злостью.

— Правда ведь, Лин Си?!!

— Что за взгляд? Я вообще-то сидел здесь всё это время.

Выражение крайнего изумления на его лице явно говорило, что его заметили только что.

Черт побери, да он сидит тут уже полчаса, между прочим!

— Я говорю, неужели можно быть настолько поглощенной созерцанием?

Хоть он и знал, что она всё это время пялится на ту парочку, но никак не ожидал, что она настолько уйдет в себя, что даже не заметит, кто сидит рядом.

Черт, да его просто проигнорировали?

— А что еще делать? На тебя пялиться что ли?

Если не глазеть на них, неужели ей смотреть на него?

— Тц-тц, вот бы на меня ты смотрела с такой же самоотдачей.

Ловить на себе взгляд столь горячей красотки — райское наслаждение, хотя характер у неё, конечно, тот еще.

— Хм! Разве что ты превратишься в Юй Чэньи!

— Да блин! Чем это я хуже Юй Чэньи?!

Эта проклятая девчонка вечно сравнивает его с Юй Чэньи!

Он — бесконечно обаятельный красавчик, всеобщий любимец, неужели он в чём-то уступает этому ледяному чурбану Юй Чэньи?!!

— Во всём!

— Черт! Невозможно вести диалог с психопаткой!

— Послушайте, вы двое не могли бы помолчать хоть минуту?

Юй Чэньи наконец потерял терпение от их бесконечной грызни, недовольно нахмурился и холодно бросил.

— Не могли!

— Могли!

— Эй! Ты что, не слышал, как И велел замолчать?!

— С какой стати мне его слушать?!

— Ты! Невыносима!

— Благодарю за комплимент! Взаимно!

— Лин Си, если ты её разбудишь, ты... труп.

— Лин Си, если ты её разбудишь, ты... труп.

— Да блин, Юй Чэньи...

— Эй, да с чего ты так трясешься над ней?! Чем она вообще так хороша?!

Не успел Лин Си рассвирепеть, как не выдержала Шан Сяси — её терпение лопнуло. Она никак не могла взять в толк, с чего бы этому парню так носиться с этой девчонкой?

Они ведь сошлись лишь из-за того проклятого конкурса Охота на любовь, но при этом ведут себя так сладко, что у окружающих глаза слепит!

— Во всём.

Всего два слова — и она тотчас лишилась дар речи. Ведь точно так же она только что ответила Лин Си!

Неужели он... и вправду любит Цянь Инсинь?

— Чего застыла с таким обиженным видом?

Заметив уныние на лице Шан Сяси, Лин Си почувствовал укол совести и, отвесив ей увесистый шлепок по спине, попытался свести всё к шутке.

— Чертов Лин Си, проваливай!

— Паршивая баба, тебе язык отсохнет сказать что-нибудь приятное?!

Получив тумака от Лин Си, Шан Сяси вспыхнула с новой силой, и они вновь сцепились, переходя на крики.

Юй Чэньи с головной болью наблюдал за этой перепалкой впереди, тяжело вздохнул и повернулся к Цянь Инсинь.

— Вы двое и правда отличная пара, чего ж вы тогда разошлись в своё время?

— Да кто с ним пара?!

— Да кто с ней пара?!

Стоило Юй Чэньи высказаться, как они синхронно взвизгнули в ответ, лишний раз подтвердив свое удивительное взаимопонимание.

— Мм...

Потревоженная шумом Цянь Инсинь слегка поморщилась и надула губки.

— Черт побери, заткнитесь оба!

— Как же вы задолбали□□□□

Дайте же человеку выспаться, мать вашу! Чего разорались?!

— С-с-скрип!..

— Ой-ой-ой!

— Бац!

Напуганный неожиданным окриком Цянь Инсинь, водитель резко вдавил по тормозам. Шан Сяси и Лин Си, сидевшие лицом назад, потеряли равновесие и кувыркнулись вперед, в результате чего их губы самым драматичным образом столкнулись.

— А-а-а-а! Да чтоб ты сдох!

— Хлоп!

Шан Сяси голосила, Лин Си получил пощёчину, Цянь Инсинь злилась, Юй Чэньи успокаивал её, а Хань Е наводил порядок — в салоне царил полный хаос...

— А-а-а-а-а□□□□

Два пронзительных визга разорвали тишину роскошного номера, переполошив весь отель. Все бросились к комнате, откуда доносились крики, опасаясь, что с главными красавицами Королевской академии Шэнсин что-то случилось.

— В чём дело?!

Хань Е прибыл первым и универсальным ключом резко распахнул дверь, вбежав внутрь.

— Черт, Хань Е, кто тебя звал входить?!!

— Проваливай!

Стоило Шан Сяси увидеть в комнате парня, как она тут же взъярилась, а Цянь Инсинь с не меньшей кровожадностью схватила диванную подушку и швырнула в Хань Е.

— Вы обе целы?

— Конечно, нет! Почему это мы должны жить в одной комнате?!

Почти все студенты толпились в коридоре у входа, но от одновременного крика девушек в номере воцарилась абсолютная тишина.

<http://bllate.org/book/21939/2279324>